

ВЕСТНИК САХАЛИНСКОГО МУЗЕЯ

**ЕЖЕГОДНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
«САХАЛИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»**

№ 20

**Южно-Сахалинск
2013**

ББК
79.1Я53
В 38

Вестник Сахалинского музея. Ежегодник государственного бюджетного учреждения культуры «Сахалинский областной краеведческий музей». № 20. Южно-Сахалинск: Государственное бюджетное учреждение культуры «Сахалинский областной краеведческий музей», 2013. 360 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. П. Роон (главный редактор), Е. А. Иконникова, А. К. Клитин, А. И. Костанов, И. А. Костанова, Альфред Ф. Маевич (Польша), Г. В. Матюшков, М. М. Прокофьев (отв. секретарь), И. А. Самарин, К. Я. Черпакова

Адрес редакции: 693010, г. Южно-Сахалинск, Коммунистический пр-т, 29
E-mail: sakhmus@snc.ru

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редколлегии

ISBN 978-5-900334-63-9

© ГБУК «Сахалинский областной
краеведческий музей», 2013

САХАЛИН – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ЧЕХОВ¹

Итоги студенческой экскурсии

«Почему немецкие студенты интересуются историей Сахалина?» – этот и подобные вопросы часто задавали студентам исторического факультета университета города Фрайбург в Германии, занимавшимся с 27 мая по 6 июня 2012 г. исследованиями в городах южного Сахалина.

Проект под руководством доцента Серена Урбански проводился в рамках программы «Историческая мастерская» при поддержке фонда «Память, ответственность и будущее» и был посвящен изучению воспоминаний о послевоенном периоде и советизации Южного Сахалина. Основной задачей являлось по возможности ответить на вопрос, каким образом в послевоенные годы формировалась сахалинская идентичность. Под этим понятием здесь и далее мы подразумеваем совокупность определенных факторов, ориентируясь на которые отдельный индивидуум отождествляет себя с каким-либо коллективом. В случае, когда эти факторы схожи для множества людей, можно говорить о коллективной идентичности².

Идея проекта была частично мотивирована обучением молодых историков, изучающих русский язык, практической работе в библиотеках, архивах и т. п. В немецкой системе высшего образования прикладной деятельности уделяется сравнительно мало внимания, и возможность работать над подобным проектом была своеобразной привилегией для участников. Однако основным стимулом послужило стремление расширить познания о Сахалине и его истории. Дело в том, что сибирские и дальневосточные области России занимают незначительное место в западной, и в частности немецкой, историографии. Представления о Сахалине основаны, прежде всего, на книге «Остров Сахалин» А. П. Чехова. Поэтому большинство немногочисленных работ по Сахалину посвящены периоду каторги, в то время как исследований периода Карафута, советско-японской войны, послевоенного времени и советского Сахалина практически нет. Единственной объемной работой, доступной на Западе по этим темам, является «История Сахалина» американского историка Джона Стефана, увидевшая свет в 1971 г.³ Несмотря на попытку автора освещать события как с японской, так и с русской точки зрения, эта книга дает, прежде всего, общее представление об истории Сахалина, не углубляясь в детали, и, кроме того, содержит ряд неточностей, так как писалась в период, когда доступ и к самому острову, и ко многим советским архивам был закрыт для иностранцев⁴.

Среди русскоязычной литературы о Сахалине стоит выделить работы М. С. Высокова, и прежде всего объемную «Историю Сахалина и Курильских островов», опубликованную под его редакцией⁵. Большое внимание здесь уделяется политической и

¹ Все участники проекта благодарят сотрудников Сахалинского областного краеведческого музея и в особенности директора Татьяну Петровну Роон, а также Евгению Павловну Фирсову и Надежду Андреевну Глушкову, без сердечного приема и бесценной помощи которых проект бы не состоялся.

² Понятие идентичности достаточно давно попало в поле интересов историков. Классическое социологическое определение этого термина дается у: Erikson, Erik H.: *Identity, psychological*, в: *International Encyclopedia of the Social Sciences*, Т. 7, с. 61 – 65.

³ Stephan, John J.: *Sakhalin. A History*, Oxford, 1971.

⁴ Впоследствии и сам Стефан пересмотрел часть своих высказываний, ср. Стефан, Джон: *Сахалин за горизонтом. Исповедь фальсификатора*, в: *Вестник Сахалинского музея* № 7 (2000), с. 94 – 103.

⁵ Высоков, М. С. / Василевский, А. А. / Костанов, А. И. / Ищенко, И. М.: *История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия*. Южно-Сахалинск, 2008.

экономической истории острова, а также дается подробный обзор научной литературы по истории Сахалина, написанной в советский и постсоветский периоды. Примечательно, однако, что работам по послевоенному периоду в этом описании не уделено отдельной категории, как, например, исследованиям по древней истории Сахалина и Курил или истории Сахалина и Курильских островов в годы Второй мировой войны⁶. Обобщая сказанное, можно утверждать, что в истории послевоенного периода на Сахалине еще достаточно открытых вопросов. В частности, научные исследования, посвященные формированию советской коллективной идентичности на южном Сахалине в этот период, по нашим сведениям, до сих пор нигде не публиковались, поэтому данная тема представляла большой интерес как с педагогической, так и с исследовательской точки зрения.

Также нами рассматривалась возможность сравнения процессов советизации южного Сахалина и Калининградской области. Несмотря на то, что эти регионы разделены многими тысячами километров, они имеют некоторые общие черты. Хотя русские люди жили на южном Сахалине уже в XVIII веке, а с 1875-го по 1905 г. этот регион и формально являлся частью России, после 1945 г. требовалась административная, культурная и экономическая интеграция в состав Советского Союза, так как 40 лет японского господства наложили на регион сильный отпечаток. Кроме того, история Калининградской области гораздо лучше исследована на Западе, поэтому при подготовке проекта мы могли частично опираться на методы, использованные при проведении аналогичных исследований по истории Калининграда. Здесь стоит выделить работу Пера Бродерсена «Город на западе. Как Кёнигсберг стал Калининградом»⁷.

Предполагалось выявить общие черты и различия в стратегии советизации обеих территорий, в частности, значение войны для легитимации включения в состав Советского Союза. Также ставилась задача выяснить, каким образом Южный Сахалин и в особенности город Южно-Сахалинск в послевоенное время приобрели черты русско-советской действительности. Как государство пыталось превратить Южный Сахалин в обычный советский регион и заставить его жителей отождествлять и самих себя, и сам остров с Советским Союзом, а не с Японией? Какую роль играла при этом коммунистическая идеология, в каких случаях и по каким причинам приходилось поступаться идеологическими принципами? Как эта политика воспринималась самими сахалинцами, можно ли говорить о формировании сахалинской идентичности, и если да, то формировалась ли она только под влиянием государственной политики или также и других факторов? В случае Южного Сахалина этот процесс хорошо доступен для исследований, так как происходил на фоне чуждой культуры. На практике изучение формирования сахалинской идентичности можно свести к следующим вопросам: Что и как было переименовано? Кто занял «пустое» место, которое оставили после себя около 300 000 японцев, в большинстве своем репатриированных к 1950 г.? Как государство и общество относились к людям, жившим на острове до 1945 г., и как эти люди воспринимали новую ситуацию? Как новые поселенцы создали из Тоёхара «свой» Южно-Сахалинск? Существуют ли определенные места, которые имеют особенное значение для самосознания жителей острова?

Работы проводились в городах Южно-Сахалинск, Анива, Корсаков, Холмск и Невельск. В течение первых пяти дней проектные группы занимались сбором материалов в Южно-Сахалинске. Посетили Государственный исторический архив Сахалинской области, областной краеведческий музей и его научный архив, областную универсальную научную библиотеку, а также провели интервью с переселенцами в Южно-Сахалинске и Аниве. В последующие дни аналогичные работы проводили

⁶Высоков, М. С. / Василевский, А. А. / Костанов, А. И. / Ищенко, И. М.: *История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия*. Южно-Сахалинск, 2008, с. 49 – 146. В самой книге история послевоенного периода описана в главе на стр. 454 – 473.

⁷Brodersen, Per: *Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde*. Göttingen, 2008.

в Корсакове, Холмске и Невельске. Чтобы дать более конкретное представление о проделанной работе, ниже мы рассмотрим некоторые части проекта и полученные результаты.

Для того, чтобы выяснить, какие факторы влияли на формирование сахалинской идентичности, исследовались газеты и архивные документы послевоенного времени как материалы, дающие наглядное представление о том, каким образом сахалинская идентичность конструировалась «сверху», какие факторы отождествлялись с идеальным образом советского сахалинца, а какие ему противопоставлялись. Помимо тем, общих для всех советских газет, отчетливо выделяется мотив богатой природы как характерной черты острова. В то же время японцы описываются как побежденные и изгнанные оккупанты. Их наследие, а также присутствие на острове после 1945 г., не говоря уже о контактах с советским населением, никак не тематизируются. Как мы увидим ниже, в этом случае официально пропагандируемая сахалинская идентичность частично расходится с пережитым самими переселенцами.

Еще одним местом, использовавшимся для формирования сахалинской идентичности, является областной краеведческий музей. Задачами краеведения в Советском Союзе являлись трактовка и подача региональной истории в соответствии с идеологией. В музеях сохранялась и создавалась общественная культура воспоминаний, которая должна была способствовать формированию советской идентичности у населения⁸. Особое значение это имело на территориях, не всегда являвшихся частью Советского Союза, как, например, в Калининградской области⁹. Но для Сахалина предположение о высокой идеологизации музея верно лишь частично. Примечательно уже то, что краеведческий музей расположился в построенном в 1937 г. здании бывшего краеведческого музея Карафута, ясно узнаваемом как японское, и таким образом хорошо иллюстрирует двойственность сахалинского прошлого. Единственным изменением во внешнем облике здания после войны стал портрет Сталина, вывешенный над входом.

Темы, представленные в музее в советский период, и их подача были схожи с теми, которые описывались и в сахалинских советских газетах, в частности, значительная часть экспозиции была посвящена природе Сахалина. Что же касается истории, то здесь после дореволюционного периода сразу следовала демонстрация социалистического строительства, история Карафута никак не тематизировалась. Стоит, однако, заметить, что, несмотря на то, что музей открылся уже в мае 1946 г., описанная выше экспозиция составила только к 1948 г.¹⁰. До этого в музее не только использовались японские экспонаты (многие из них выставлены до сих пор), но и была открыта выставка, посвященная японской культуре¹¹.

Значительную роль в сахалинской краеведческой литературе занимает тема изменения облика столицы региона в послевоенные годы, «превращение» Тоёхара в Южно-Сахалинск¹². Этот процесс был рассмотрен и в рамках нашего проекта. При этом в качестве основной задачи было поставлено не столько описать произошедшие изменения, сколько исследовать их в контексте создания советской идентичности на Сахалине. Как и в большинстве остальных случаев, здесь трудно выявить однозначную

⁸ Cp. Razgon, A. M.: *Museums of Regional Studies*, в: Wiczynski, Joseph (ред.): *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History*, Т. 23, Gulf Breeze, 1981, с. 243.

⁹ Cp. Brodersen, Per: *Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde*, Göttingen, 2008, стр. 93–94, где описывается конструкция «истории панславистского происхождения», с помощью которой предполагалось интегрировать Калининград в состав Советского Союза в историческом и культурном плане.

¹⁰ ГИАСО. Ф. 562. Оп. 1. Д. 9. Л. 117.

¹¹ НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 547. Л. 29.

¹² Весьма подробно этот процесс описан и проиллюстрирован в работах: Федорчук, С. П.: *Южно-Сахалинск. Взгляд сквозь годы*, Южно-Сахалинск, 2010, а также: Самарин, И. А.: *Город Южно-Сахалинск. В поисках центра*, в: *Вестник Сахалинского музея* № 16 (2009), с. 188 – 201.

стратегию. Имели место случаи как дальнейшего использования японских зданий и памятных мест, так и их демонтажа и замены на советскую символику. Строительство же жилых домов советского типа, хотя внешне и превратило Южно-Сахалинск в типичный социалистический город, происходило прежде всего ввиду обычной необходимости модернизации жилого пространства.

Процесс создания советской идентичности также наблюдался в топонимике населенных пунктов Южного Сахалина¹³. Известно, что географические названия используются не только для облегчения ориентирования, но также указывают на принадлежность данной территории к определенному государственному и культурному пространству, поэтому могут использоваться в идеологических целях¹⁴. Это свойство явно учитывалось при переименовании населенных пунктов Калининградской области, многие из которых приобрели новые «типично советские» имена¹⁵. На Сахалине, как показали исследования, ситуация имела некоторые отличия. Хотя процесс переименования и не был демократическим, в нем в той или иной степени участвовали разные стороны, и конечный результат не был предопределен. «Типично советские» названия, которые могут быть восприняты как явно идеологизированные, на южном Сахалине, конечно, существуют. Также к идеологизированным можно отнести и названия, отражающие «исконную» принадлежность острова к России (такие, как Старорусское, Возвращение). Однако вместе с «советскими» они составляют лишь небольшую часть от общего числа. Большинство названий описательные и не несут явной идеологической окраски, в отдельных случаях вольно или невольно совпадая по смыслу со старыми японскими (например, Маока (яп. холм) и Холмск). Заметно, что переименование происходило из практических целей и особая идеологизация новых названий не являлась приоритетом.

Для того, чтобы исследовать не только инициированную государством советизацию Южного Сахалина, но и выяснить, каковы индивидуальные воспоминания о двойственном японско-советском прошлом и как воспринимались послевоенные годы самими сахалинцами, использовался метод устной истории (англ. oral history), то есть проведение интервью с современниками исследуемых событий. В общей сложности были опрошены 12 человек, прибывших на Сахалин в рамках переселенческих кампаний в конце 1940-х – начале 50-х годов. В состав опрошенных вошли выходцы из разных частей Советского Союза и представители разных слоев населения. Темы вопросов касались повседневной жизни, отношения к новым условиям жизни и соседства с японцами. Таким образом предпринималась попытка выяснить, какие факторы повлияли на то, что переселенцы стали ощущать себя именно сахалинцами, и насколько.

Конечно, полученные интервью никак не претендуют на всестороннее освещение повседневной жизни на Сахалине в послевоенный период. Проблематичен тот факт, что в живых осталось очень мало свидетелей послевоенного времени, и большинство опрошенных прибыло на Сахалин в возрасте от 10 до 20 лет и поэтому представляло лишь одно из младших поколений переселенцев. Кроме того, принципиальная проблема метода устной истории заключается в субъективности как историка, проводящего интервью, так и респондента¹⁶. Однако существуют и преимущества, главное

¹³ Этой теме посвящены несколько статей в «Вестнике Сахалинского музея», в том числе список старых и новых названий: Переславцев, В.: *Топонимика южного Сахалина (японо-русский справочник-указатель)*, в: *Вестник Сахалинского музея* № 7 (2000), стр. 313 – 323.

¹⁴ Cp. Gill Graeme J.: *Changing Symbols. The Renovation of Moscow place names*, в: *Russian Review* 64 (2005), с. 480.

¹⁵ Brodersen, Per: *Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde*. Göttingen, 2008, с. 63.

¹⁶ Cp. Göpfert, Rebekka: *Oral History. Über die Zusammenfassung individueller Erinnerung im Interview*, в: Wischermann, Clemens (ред.): *Die Legitimität der Erinnerung und die Geschichtswissenschaft*, Stuttgart, 1996, стр. 104.

из которых в данном случае – доступ к воспоминаниям людей, которые сами являлись объектом рассматриваемых исторических процессов. Помимо этого, интервью являются ценным источником информации по темам, которые либо умалчиваются, либо несут отпечаток государственной пропаганды в других, «официальных» источниках¹⁷.

В нашем случае наиболее примечательным из таких примеров оказались воспоминания советских переселенцев об их совместной жизни и работе с японцами. В то время как присутствие последних на Сахалине после окончания войны практически не находило отражения в прессе, большинство опрошенных не только живо помнят соседство с жителями бывшего Карафутто, но и с благодарностью отзываются о своих новых соседях и гордятся тем, что дружили с японцами, хотя совместная жизнь и не была лишена конфликтов. Таким образом, можно утверждать, что близкое соседство с чужой культурой повлияло на формирование сахалинской идентичности, несмотря на то, что официально этот фактор всячески подавлялся.

Опросить японских жителей бывшего Карафутто в рамках проекта, к сожалению, не представилось возможным. Тем не менее была предпринята попытка проанализировать мемуары репатриантов¹⁸. Ввиду изначальной малочисленности советских переселенцев японцы сыграли важную роль в восстановлении Южного Сахалина, и поэтому формально обе группы населения были уравнены в правах¹⁹. Фактически же японцы, чьи профессии были более важны для восстановления экономики, например, представители технических профессий, имели более высокий уровень жизни, чем те, кто обладал недостаточной или неподходящей квалификацией. Это привело к созданию новой, непривычной для японцев общественной иерархии, поэтому в мемуарах присутствуют как положительные, так и резко отрицательные воспоминания о советском Сахалине. В любом случае, как и на советских переселенцев, тесное и относительно продолжительное соседство с другой культурой наложило на жителей бывшего Карафутто ощутимый отпечаток.

Обобщая все сказанное выше, можно сделать вывод, что при советизации Южного Сахалина формирование сахалинской идентичности происходило под влиянием не только официальной политики, но и повседневных контактов с японским наследием и самими японцами. Также следует отметить, что и сама официальная политика по формированию идентичности была менее идеологизированной, чем можно было предполагать. Среди прочего это видно на приведенном выше примере с топонимикой населенных пунктов.

Таким образом, результаты исследований во многом опровергают распространенное на Западе заблуждение, касающееся истории Советского Союза и заключающееся в том, что любые меры якобы диктовались идеологическими требованиями и зачастую проводились в жизнь в ущерб соображениям прагматизма, по жестким указаниям центра без учета местных реалий. Следует признать, что, имея перед глазами пример Калининграда, мы также ожидали, что советизация Южного Сахалина имела более сильную идеологическую подоплёку, чем оказалось на самом деле.

Надеемся, что планируемая публикация результатов исследований на немецком языке внесет свою лепту в изучение послевоенной истории Сахалина и раскроет некоторые из связанных с ней вопросов²⁰.

¹⁷ Cp. Thomson, Paul, *The Voice of the past. Oral History*, в: Perks, Robert / Thomson, Alistair (ред.), *The Oral History Reader*, London, 2006, стр. 29 – 31.

¹⁸ Помимо прочих, были рассмотрены сборники мемуаров: Sōka Gakkai Seinenbu Hansen Shuppan Iinkai (ред.), *Kita noumi o wattabe. Karafuto hikiagesha no kiroku* [Пересечь море на севере. Записки репатриированных с Карафутто], Tokyo, 1976, а также Kokusho Kankōkai (ред.), *Hifun no Karafuto* [Карафутто в унынии и печали], Tokyo, 1981.

¹⁹ Cp. Крюков Д. Н.: *Гражданское управление на Сахалине и Курильских островах в 1945 – 1948 годах (Воспоминания)*, в: *Краеведческий бюллетень* № 3 (1993), с. 11.

²⁰ Urbansky, Sören (ред.): *Unsere Insel. Sowjetische Identitätspolitik auf Sachalin nach 1945*, Berlin, 2013.